

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

ПАМЯТИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО.

1.

Вмѣсто некролога.

Когда выходила въ свѣтъ февральская книга *Русской Мысли*, въ С.-Петербургѣ хоронили Достоевскаго. Какъ умилительно-торжественно произошло это, уже всѣмъ извѣстно. Редакція *Русской Мысли* пожелала получить отъ меня статью о покойномъ. Всею душою готовый, я до сихъ поръ не могу ни опомниться отъ неожиданнаго удара, ни собраться съ временемъ (по сцѣпленію многихъ причинъ), чтобы написать теперь что-нибудь хоть немного достойное Достоевскаго. Но вдова Федора Михайловича, Анна Григорьевна, позволила мнѣ воспользоваться ея записною книжкой. Тутъ у нея набросанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, со словъ покойнаго, біографическій его очеркъ, потребованный отъ него какимъ-то иностраннымъ изданіемъ. Пополняю его чертами, записанными Анною Григорьевною въ разное время—также на основаніи собственныхъ воспоминаній Федора Михайловича, отчасти же пополняю и своими собственными воспоминаніями, относящимися, къ несчастію, только къ послѣдней порѣ. Я лично сблизился съ Федоромъ Михайловичемъ не особенно давно и никогда еще живѣе не чувствовалъ, какъ невознаградима потеря того времени, когда я не зналъ его.

Достоевскій родился въ Москвѣ 30 октября 1822 г. Отецъ его былъ помѣщикъ и докторъ медицины. Собственная душевная жизнь Федора Михайловича въ отрочествѣ воспроизводилась передъ нимъ, по его словамъ, въ душевномъ строѣ его сына (которому теперь 9 лѣтъ). Федоръ Михайловичъ былъ точно также впечатлителенъ, начиная отъ страха, наводимаго темнотой, и кончая обидчивостью отъ тѣхъ или другихъ насмѣшекъ товарищей. Онъ постоянно стремился къ тому, чтобъ имѣть друзей, но въ

сущности не имѣлъ ихъ. Воображеніе его развилось рано. Онъ любилъ выставять себя въ своихъ собственныхъ глазахъ сильнымъ, ловкимъ. Молодая головка была занята путешествіями, въ воображеніи страстно любилъ Венецію и Востокъ и самую пламенную мечтой его было посѣтить когда-нибудь родину дождей и Константинополь. Вотъ какъ оцѣнивалъ эту сторону дѣтской природы самъ Ѳедоръ Михайловичъ въ одномъ письмѣ: «Фантазія есть природная сила въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе во всякомъ ребенкѣ, у котораго она съ самыхъ малыхъ лѣтъ, преимущественно передъ всѣми другими способностями, развита и требуетъ утolenія. Не давая ей утolenія, или умертвишь ее, или, обратно, дашь ей развиться именно чрезмѣрно (что и вредно) своими собственными силами. Такая же натуга лишь истощитъ духовную сторону ребенка преждевременно. Впечатлѣнія прекраснаго именно необходимы въ дѣтствѣ. Десяти лѣтъ отъ роду я видѣлъ представленіе «Разбойниковъ» Шиллера съ Мочаловымъ, и то сильнѣйшее впечатлѣніе, которое я вынесъ тогда, подѣйствовало на мою духовную сторону очень плодотворно. Двѣнадцати лѣтъ я, въ деревнѣ, во время вакацій, прочелъ всего Вальтеръ-Скотта». Въ ту же пору Ѳедоръ Михайловичъ уже былъ знакомъ со *всею* исторіей Карамзина. Развитію въ немъ литературныхъ наклонностей сильно содѣйствовало образованіе, полученное имъ въ извѣстномъ московскомъ пансіонѣ Чермака. На шестнадцатомъ году Ѳедоръ Михайловичъ выдержалъ въ С.-Петербургѣ пріемный экзаменъ въ военномъ Инженерномъ училищѣ, а въ 1841 году, окончивъ тамъ курсъ, выпущенъ на службу подпоручикомъ. Но другія цѣли и стремленія влекли его къ себѣ неотразимо. Онъ сталъ усиленно заниматься литературой, философіей и исторіей. Громадное вліяніе имѣли на него «Фаустъ» Гёте, Шиллеръ, Гофманъ, затѣмъ Бальзакъ и, наконецъ, Диккенсъ. Прочитавъ «Père Goriot», онъ сказалъ себѣ: «такъ надо писать романъ», то-есть онъ сталъ понимать «реализмъ». Мечтая о томъ, чтобы писать еще въ ранней молодости, онъ однакоже на самомъ дѣлѣ не особенно предавался тогда писанію. Въ 1844 г. Достоевскій уже вышелъ въ отставку и вскорѣ послѣ того написалъ свою первую повѣсть «Бѣдные люди» (напечатанную, какъ извѣстно, въ *Петербургскомъ Сборникѣ* Некрасова 1846 г.). Эта повѣсть сразу создала ему положеніе въ литературѣ; онъ былъ встрѣченъ и критикой, и читающимъ обществомъ чрезвычайно благосклонно. Это былъ рѣдкій успѣхъ. Самъ Ѳедоръ Михайловичъ

любилъ эту повѣсть и не соглашался съ критикой въ одномъ, будто она была такъ ужъ совсѣмъ навѣяна «Шинелью» Гоголя (не даромъ заставилъ онъ своего Макара Дѣвушкина обидѣться типомъ Акакія Акакіевича). Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ сряду, дѣйствительнымъ его литературнымъ занятіямъ мѣшало нездоровье, отчасти же и мнительность, при которой однако онъ лѣчилъ себя большею частію самъ. Бывали минуты, когда онъ считалъ себя способнымъ помѣшаться отъ мнительности. Въ этомъ отношеніи переломомъ послужили для него обстоятельства, при которыхъ заботы о здоровьѣ и вообще о себѣ показались уже пустяками. Весной 1849 г. онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими за участіе въ политическомъ заговорѣ, имѣвшемъ социалистическій оттѣнокъ. Замѣчательно, что въ вину ему, между прочимъ, было поставлено мнѣніе, что Россія подчинилась политикѣ Меттерниха. Какъ странны должны были послѣ этого показаться ему вразумленія насчетъ ея пагубности, адресованныя къ нему лѣтомъ прошлаго года со стороны А. Д. Градовскаго. Статья почтеннаго профессора не даромъ вызвала Ѳедора Михайловича на воспоминанія о своей ссылке, которыми онъ никогда не рисовался. Заговорщики (такъ-называемые Петрашевцы) были преданы слѣдствію и Высочайше назначенному военному суду. Послѣ восьмимѣсячнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости онъ былъ приговоренъ къ смерти чрезъ разстрѣляніе, но на мѣстѣ казни ему возвѣщено было о смягченіи его участи. Ѳедоръ Михайловичъ, повторяю, никогда не любилъ щеголять этою страницей своей біографіи. По возвращеніи своемъ изъ ссылки, часто приглашаемый публично читать отрывки изъ своего «Мертваго Дома» (этой, можно сказать, автобіографіи его за время ссылки), онъ, по свидѣтельству такого близкаго къ нему лица, какъ Н. Н. Страховъ, не совсѣмъ охотно брался за это, замѣчая: «точно будто я хвастаю». За то онъ любилъ говорить о воспитательномъ вліяніи на него каторги, любилъ этимъ озадачивать тѣхъ, кто обращался къ нему съ соболѣзновательнымъ общимъ мѣстомъ: «ахъ, какъ это было несправедливо!» Потому-то въ краткомъ очеркѣ его жизни не должна особенно выдаваться эта страница. Укажу лишь по воспоминаніямъ, записаннымъ его женою, на то, что, находясь на мѣстѣ казни, онъ не былъ увѣренъ, что жизнь будетъ подарена имъ, но, при проглянувшемъ во время чтенія приговора солнцѣ, сказалъ одному изъ своихъ сотоварищей: «не можетъ быть, чтобы насъ казнили». Имъ однакоже было пред-

ложено исповѣдаться, отъ чего почти всѣ отказались, но приложились ко кресту. Появленіе священника должно было утвердить въ нихъ мысль, что они будутъ казнены. Ѳедоръ Михайловичъ вспоминалъ, что имъ овладѣлъ тогда мистическій страхъ передъ скорымъ переходомъ въ иную, неизвѣстную жизнь. «Идея безсмертія уже живо сказывалась въ немъ и тогда», заключаетъ изъ этого Анна Григорьевна.

Вмѣсто казни, Достоевскій, по лишеніи правъ состоянія, чиновъ и дворянства, былъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу на четыре года, съ зачисленіемъ по окончаніи срока каторги въ рядовые. Приговоръ этотъ, по собственному его замѣчанію, былъ по формѣ своей первымъ еще у насъ случаемъ: всякій, приговоренный къ каторгѣ, обыкновенно теряетъ свои гражданскія права навсегда, Достоевскому же, по отбытіи срока каторги, назначалось поступить въ солдаты, то-есть возвращались права гражданина. Впослѣдствіи это происходило не разъ, но тогда это былъ первый случай, зависѣвшій отъ воли императора Николая Павловича. Теперь, послѣ смерти, Достоевскому опять суждено было явиться, хотя и въ другомъ родѣ, опять-таки первымъ у насъ примѣромъ—примѣромъ писателя, семейству котораго назначена Высочайшею Волею пенсія помимо какихъ-либо служебныхъ заслугъ.

Достоевскій продолжалъ писать и въ крѣпости. Прерванная постигнутою его катастрофой «Неточка Незванова» такъ и осталась у него неоконченною. Въ Александровѣ рабеллинъ написалъ «Маленькій герой», въ Сибирѣ прожитые годы каторги и произведенный, наконецъ, съ воцареніемъ Государя Александра Николаевича, изъ солдатъ въ офицеры, Ѳедоръ Михайловичъ, вслѣдствіе нажитой имъ въ ссылкѣ падучей болѣзни, былъ уволенъ въ отставку (въ 1859 г.) и возвращенъ въ Россію—сперва въ Тверь, а потомъ и въ Петербургъ. Тутъ онъ уже совершенно и навсегда отдался литературѣ. Въ 1861 году старшій братъ его, Михаилъ Михайловичъ, сталъ издавать журналъ *Время*. Ѳедоръ Михайловичъ напечаталъ тутъ свой большой романъ—«Униженные и оскорбленные», главнымъ лицомъ котораго является нравственно-закаленное въ бѣдахъ дитя—Нелли, какъ бы дальнѣйшее развитіе Неточки Незвановой. Романъ былъ принятъ публикой очень сочувственно. Въ слѣдующіе два года задуманы и окончены «Записки изъ Мертваго дома», прочитанныя, можно сказать, всю Россіей. О нихъ еще недавно писалъ Н. Н. Страховъ графъ Л. Н. Толстой: «Я не знаю лучше книги изъ всей новой литературы,

включая Пушкина... Не тонъ, а точка зрѣнія — удивительно-искренняя, естественная и христіанская. Я наслаждался вчера цѣлый день (т. е. перечитывая ее вновь), какъ давно не наслаждался. Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю». Письмо это, показанное Ѳедору Михайловичу, умирительно подѣйствовало на него. Между тѣмъ лично два глубочайшихъ представителя нашей современной литературы такъ и остались между собою незнакомыми.

По смерти своего брата (въ 1866 г.) и по прекращеніи втораго его журнала—*Эпохи* (которымъ замѣнилось запрещенное *Время*), Достоевскій написалъ самый совершенный (въ художественномъ отношеніи) изъ своихъ романовъ: «Преступленіе и наказаніе».

Время съ 1867 по 1871 годъ (вслѣдъ за женитьбой Ѳедора Михайловича) было проведено за границей. Прямое знакомство съ Западомъ только содѣйствовало окончательному превращенію бывшаго социалиста въ славянофила. Это совершенно ясно уже въ его «Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», представляющихъ нравственные итоги его пребыванія въ Германіи, Англіи и Франціи. Между тѣмъ въ 1868 г. имъ написанъ былъ «Идіотъ», въ 1870—1872 г. — «Бѣсы», въ 1874 г. «Подростокъ». По мнѣнію самого Ѳедора Михайловича, онъ можетъ-быть слишкомъ жестко отнесся въ «Идіотѣ» и «Бѣсахъ» къ современному русскому обществу (именно—къ обществу, культурному обществу). Съ этимъ самопризнаніемъ едва ли можетъ теперь согласиться безпристрастный читатель: даже сцены изъ «Бѣсовъ», представившіяся при появленіи своемъ невозможными многимъ, многимъ же пришлось потомъ, да приходится еще и теперь, видѣть въ лицахъ.... Съ «Бѣсовъ» же начала обращаться къ Ѳедору Михайловичу молодежь,—обращаться иногда съ укоромъ, но часто и за совѣтомъ и разъясненіемъ «проклятыхъ вопросовъ». Связь между нимъ и молодежью стала вполне сочувственною съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ (въ 1876 г.) издавать ежемѣсячный журналъ подъ оригинальною фирмой своего *Дневника*, писаннаго имъ однимъ безъ всякихъ сотрудниковъ. Изданіе это продолжалось и въ 1877 году и имѣло въ первый годъ до 2.500, а во второй до 4.000 подписчиковъ, кромѣ розничной продажи, такъ что онъ расходился всего въ 8.000 экземплярахъ. Тутъ Достоевскій, по собственному его увѣренію, является уже открытымъ славянофиломъ — въ силу окончательно совершившагося перехода въ новый періодъ

УШ

развитія его прежнихъ, по основѣ своей, однако, все тѣхъ же взглядовъ.

Утомленный двухлѣтнимъ изданіемъ *Дневника*, а главное—необходимостью выпускать нумера его къ сроку (что дурно вліяло на его здоровье), Достоевскій рѣшилъ прервать это изданіе, чтобы отдохнуть. Между тѣмъ все то, что писалъ онъ спѣша, разрь, выходило, по замѣчанію Анны Григорьевны, нервнѣе, выразительнѣе, сильнѣе. Самъ Ѳедоръ Михайловичъ говорилъ: «Ваши первыя мысли—самыя лучшія». «Вѣрьте первымъ впечатлѣніямъ», когда-то сказала при немъ какая-то гадальщица, и онъ былъ сильно пораженъ неожиданною глубиной этихъ словъ.

Прервавъ *Дневникъ*, Достоевскій принялся за свой послѣдній романъ: «Братья Карамазовы». Онъ работалъ надъ нимъ три года. До окончанія этой работы Достоевскій былъ увлеченъ въ Москву еще такъ живо всѣмъ памятнымъ Пушкинскимъ праздникомъ. Кто въ состояніи забыть и рѣчь, произнесенную тогда Достоевскимъ во второмъ торжественномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности! (Пишущій эти строки, къ несчастію, не слыхалъ ея, а только читалъ.) Казалось, то было слово способное примирить славянофиловъ и западниковъ. Рѣчь эту назвали событіемъ. Она и была событіемъ въ нравственномъ мірѣ, но примиренія послѣ нея, какъ оказалось на повѣрку, не послѣдовало. Москва хорошо должна помнить, какъ вскорѣ послѣ увѣнчанія заживо началось развѣнчиваніе Достоевскаго, котораго представительницей явилась значительная часть печати. Ѳедоръ Михайловичъ былъ особенно огорченъ статьей А. Д. Градовскаго. «Зачѣмъ нѣ своихъ нападать?»—сказалъ онъ мнѣ о ней по возвращеніи своемъ изъ Старой-Русы. Этимъ объясняется полемическая рѣзкость лѣтняго *Дневника писателя*, такъ непріятно поразившая многихъ, въ томъ числѣ и извѣстную часть молодежи. Нѣкоторые же именно въ этомъ *Дневникѣ* сочувственно находили «все его исповѣданіе вѣры». При жизни Ѳедора Михайловича я бы, разумѣется, никогда не выдалъ его словъ объ А. Д. Градовскомъ. Теперь это и можно, и должно сдѣлать, и мой уважаемый товарищъ, конечно, внимательно перечтетъ послѣ этого свои лѣтнія статьи въ *Голосъ*. Самъ я недавно перечелъ мой отзывъ о «Бѣсахъ» въ моихъ «Публичныхъ лекціяхъ» и нашелъ въ немъ не что иное, какъ «общее мѣсто» съ казенно-либеральнымъ оттѣнкомъ. Тутъ же я понялъ и односторонность моего тогдашняго взгляда на «Преступленіе и наказаніе» (хотя

IX

Н. Н. Страховъ и тогда уже могъ бы вразумить меня своею извѣстною критическою статьей объ этомъ романѣ). Я все еще былъ тогда, такъ сказать, въ переходномъ періодѣ и это выразилось въ моихъ лекціяхъ обиліемъ общихъ мѣстъ» *). А Федоръ Михайловичъ именно ихъ-то и не могъ выносить. Дѣло въ томъ, что въ нихъ сказывается не одна недодуманность, но и недостатокъ характера.

Отдохнувъ отъ сильныхъ московскихъ впечатлѣній, Достоевскій сталъ дописывать «Карамазовыхъ». Онъ какъ будто бы чувствовалъ, что не ради только журнальныхъ сроковъ ему надо спѣшить. Осенью прошлаго года писалъ онъ объ этомъ И. С. Аксакову (выписка изъ этого письма приведена въ замѣткахъ Анны Григорьевны): «Вы не повѣрите, до какой степени я занятъ день и ночь, какъ въ каторжной работѣ. Кончаю Карамазовыхъ, слѣдовательно подвожу итогъ произведенію, которымъ я по крайней мѣрѣ дорожю, ибо много въ немъ легло меня и моего. Я же и вообще-то работаю нервно, съ мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то боленъ даже физически.... Я работы изъ-за денегъ на почтовыхъ не понимаю. Но пришло время, что все-таки надо кончить, и кончить не оттягивая. Вѣрите ли, несмотря на то, что уже три года записывалось, иную главу напишу—да и забракую, вновь напишу и—вновь напашу. Только вдохновенныя мѣста и выходятъ заразъ, залпомъ, а остальное все—претяжелая работа».

Дополненіемъ могутъ служить выдержки изъ письма его къ одной писательницѣ: «И однако я не могу писать съ плеча, я долженъ писать художественно. Я обязанъ тѣмъ Богу, поэзіи, успѣху написаннаго и буквально всей читающей Россіи, ждущей окончанія моего труда. А потому сидѣлъ и писалъ буквально дни и ночи. Ни на одно письмо съ августа еще не отвѣчалъ. Писать письма для меня мученіе, а меня заваливаютъ письмами и просьбами. Вѣрите, что я не могу и не имѣю времени прочесть ни одной книги и даже газетъ. Даже съ дѣтьми мнѣ некогда говорить. И не говорю.... А здоровье такъ худо, какъ вы и представить не можете. Изъ катарра дыхательныхъ путей у меня образовалась анфизема (задыханіе, мало воздуха) и болѣзнь моя тоже стала ожесточеннѣе.... Я все запустилъ, все бросилъ, о себѣ не говорю. Теперь ночь, шестой часъ по полуночи, городъ про-

*) Это совершенно вѣрно было замѣчено въ *Голосъ* покойнымъ Ниломъ Адмирари.

Х

сыпается, а я еще не ложился. А мнѣ говорятъ доктора, чтобъ я не смѣлъ мучить себя работой, спать по ночамъ и не сидѣлъ бы по 10—12 часовъ нагнувшись надъ письменнымъ столомъ. Для чего я пишу ночью?—А вотъ только-что проснулся въ часъ по полудни, какъ пойдутъ звонки за звонками. Тотъ входитъ—одно просить, другой—другое, третій настоятельно требуетъ, чтобъ я разрѣшилъ ему какой-нибудь неразрѣшимый, «проклятый» вопросъ, «иначе-де я доведенъ до того, что застрѣлюсь» (а я его въ первый разъ вижу). Наконецъ депутаціи отъ студентовъ, отъ студентокъ, отъ гимназистовъ, отъ благотворительныхъ обществъ—читать имъ на публичномъ вечерѣ. Да когда же думать, когда работать, когда читать, когда жить?...»

Какъ не понять послѣ этого, почему онъ бывалъ иногда, по замѣчанію Анны Григорьевны, «такъ суровъ и непривѣтливъ съ первой минуты и иной разъ отказывалъ въ какой-либо просьбѣ, но потомъ ему становилось жаль, что говорилъ такъ сурово, и онъ старался загладить первое впечатлѣніе и почти всегда исполнялъ обращаемую къ нему просьбу».

При такой обстановкѣ и своей давнишней и сильной болѣзненности, онъ однакожь сохранялъ подъ кажущеюся мрачностью въ сущности свѣтлое настроеніе духа. И подъ конецъ онъ бы могъ повторить слова, относящіяся къ прошлому и записанныя его женою: «Жизнь моя была самая счастливая, несмотря на печальную обстановку, потому что внутренно я былъ всегда восполненъ. Говорятъ, что я пишу печальныя вещи; это не такъ: у меня въ моихъ произведеніяхъ больше радостей, чѣмъ у другихъ, но радостей высшихъ, вѣковѣчныхъ».

Онъ умеръ положительно въ цвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ. «Я не весь выразился, мнѣ есть что сказать», могъ бы онъ повторить наканунѣ смерти. Возобновленный имъ съ настоящаго года *Дневникъ писателя* сильно занималъ его. Въ половинѣ января я засталъ его. во время тревожнаго процесса писанія, усиленнаго мыслію, «что если не все пропуститъ цензура» (внести за себя залогъ, освобождающій отъ предварительной цензуры, онъ не имѣлъ средствъ). Особенно дорожилъ онъ тремя строками,—вѣроятно, объ «оказаніи довѣрія». Онѣ были благополучно пропущены цензурой и этимъ ему значительно облегчалось дальнейшее развитіе той же мысли въ будущихъ нумерахъ *Дневника*. Къ концу года должно было окончательно выясниться, *какъ* именно «оказать довѣріе». Изъ глубины сердца вылились у него

XI

въ январскомъ номерѣ *Дневника*, вышедшемъ въ свѣтъ въ самый день его похоронъ, слѣдующія строки: «Я желалъ бы только, чтобы поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде всего. Въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ, какъ въ святыню вѣрую, а главное—въ спасительное ихъ назначеніе, въ великій народный охранительный и зиждительный духъ, и жажду лишь одного: да узрять ихъ всѣ. Только-что узрять, тотчасъ же начнутъ понимать и все остальное».

Еслибъ ему удалось «все сказать, вполне выразиться», кончилось бы непремѣнно тѣмъ, что всѣ пошли бы за нимъ за живымъ, какъ шли за умершимъ.

Но когда-нибудь всѣ и пойдутъ за его знаменемъ, ибо «свѣтъ его остается».

Ор. Миллеръ.

С.-Петербургъ.

17 февраля, день именинъ Достоевскаго.

2.

Еще нѣсколько словъ о *Θ. М. Достоевскомъ*.

Сиротѣтъ наша литература, съ каждымъ днемъ рѣдѣтъ славная семья писателей сороковыхъ годовъ. Едва успѣли похоронить Писемскаго, какъ новая утрата опечалила Россію: двадцать восьмаго января, въ девятомъ часу вечера, скончался въ Петербургѣ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Газеты переполнены описаніями того единодушнаго взрыва скорби, которымъ отзывались не только Петербургъ и Москва, но и вся Россія на вѣсть о кончинѣ любимаго писателя. Люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій и состояній, сверстники покойнаго и молодежь, великіе міра сего и бѣдняки-студенты, женщины и дѣти, учащіе и учащіеся, литераторы и купцы—всѣ спѣшатъ къ свѣжей могилѣ общаго любимаго учителя и, кто чѣмъ можетъ, выражаютъ свою признательность и уваженіе памяти усопшаго.

Провинція не отстаетъ отъ столицъ. Шлются сочувственныя телеграммы вдовѣ покойнаго, здѣсь учреждаются стипендіи имени Достоевскаго, тамъ въ его память открываются школы, тамъ жертвуютъ на сооруженіе ему памятника. И все это дѣлается искренне, не по заказу, не изъ принципа. Россія доказала, что умѣла цѣнить покойнаго и любила его такъ, какъ заслужилъ онъ своей многострадальной и любвеобильною жизнью.

ХІІ

Въ рудникахъ Сибири, въ близкомъ общеніи съ злодѣями, съ преступниками, научился онъ прислушиваться къ тайнымъ воплямъ страждущихъ. Тамъ научился онъ любить человѣка, — не того сытаго и самодовольнаго человѣка, которому легко живется, а того униженнаго и оскорбленнаго, презираемаго и ненавидимаго, который нуждается въ словѣ утѣшенія и оправданія. Тамъ же узналъ онъ и народъ русскій и увѣровалъ въ его силу и правду. Вѣра народа стала его вѣрой, идеалъ народа — его идеаломъ.

Какъ ни различны сферы, изъ которыхъ черпалъ Достоевскій матеріалъ для своихъ романовъ, какъ ни разнообразны типы, въ нихъ выведенные, но идея, вдохновлявшая автора, вездѣ одна, вездѣ — защита погранныхъ правъ человѣка, вездѣ — оправданіе согрѣшившихъ и прощеніе падшимъ. Достоевскій понялъ чуткимъ сердцемъ своимъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни злодѣевъ, ни изверговъ, а есть только несчастные и больные, изуродованные и исковерканные. Безъ отвращенія, не брезгая, раскапываетъ онъ грязную кучу пороковъ и страстей, терпѣливо ищетъ онъ въ грязи этой заглушенной искры божественнаго огня, — искры малой, но способной вспыхнуть яркимъ пламенемъ и сразу поднять носителя своего на недосыгаемую высоту. Онъ вѣритъ, что нѣтъ человѣка окончательно погибшаго, утратившаго безвозвратно образъ и подобіе Божіе, — онъ вѣритъ въ душу человѣка и въ другихъ поддерживаетъ эту вѣру. Припомните Раскольникова, Ставрогина, Дмитрія Карамазова. — «Не презирай, не казни, не суди» — вотъ тема, которую онъ разработывалъ неустанно и въ романахъ, и въ *Дневникѣ*, и въ жизни. Безпощадно, какъ врачъ, убѣжденный въ пользѣ своихъ операций, анатомируетъ онъ самые темные углы сердца человѣческаго, самыя сокровенныя движенія души. Но рядомъ съ неумолимою правдой онъ даетъ и милосердый судъ.

Кто знакомъ съ произведеніями Достоевскаго (а кто же не знакомъ съ ними?), тому нечего говорить о глубинѣ и могучей правдѣ его анализа, о его знаніи человѣческаго сердца. Кому не случалось, прочтя романъ его, покраснѣть за свои собственные мысли и чувства, какъ бы подслушанныя геніальнымъ психологомъ, — такія мысли и чувства, въ которыхъ человѣкъ самому себѣ стыдится признаться, — и кто не почувствовалъ готовности подать руку и сказать слово примиренія тому, кого наканунѣ онъ забросалъ бы камнями?

Таково вліяніе этого человѣчнаго писателя, этого душевнаго человѣка. Открыто и гордо несъ онъ свое знамя къ избранной

XIII

цѣли. Никогда, ни ради чего, не отступилъ онъ ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій и завѣтныхъ вѣрованій, во всю жизнь свою не сказалъ онъ фальшиваго слова, отъ того-то и могуча такъ его вдохновенная рѣчь.

Москвичи не забыли своего недавняго знакомства съ Достоевскимъ. Они помнятъ этого невысокаго, смиреннаго человѣка, который слабымъ, едва слышнымъ изъ первыхъ рядовъ голосомъ читалъ сцену изъ «Бориса Годунова», — и помнятъ они его же на другой день, когда онъ вдругъ какъ будто выросъ на цѣлую голову, когда глаза его загорѣлись и могучее слово его проникло до самыхъ дальнихъ угловъ огромной залы. Кто такъ вѣрить въ то, что говорить, тому и другіе вѣрятъ.

Нѣкоторыми органами печати былъ поднятъ вопросъ, что именно оплакиваетъ Россія въ лицѣ Достоевскаго: скорбитъ ли она объ утратѣ любимаго писателя, жалѣетъ ли душевнаго человѣка, или чтитъ память великаго мыслителя. Когда рѣчь идетъ о Достоевскомъ, такой вопросъ врядъ ли возможенъ. Вся жизнь этого человѣка, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, была цѣльнымъ, горячимъ порывомъ къ одной ясно-опредѣленной цѣли. Развѣ въ романахъ его не читаете того же, что находите въ его *Дневникѣ*, и развѣ вся жизнь его не была въ постоянной гармоніи съ тѣми взглядами и вѣрованіями, которые онъ такъ горячо проповѣдывалъ? Если такъ, то можно ли задавать вопросъ, что именно чтутъ въ Достоевскомъ?... Чтутъ не поэта только, не моралиста, не мыслителя, — чтутъ всего Достоевскаго, такого, какъ онъ есть, во всѣхъ проявленіяхъ его мысли и духа, кроткаго и любящаго, единаго и цѣльнаго, какъ тотъ идеалъ, къ которому онъ стремился всю свою жизнь.

Можно было различно относиться къ художественной дѣятельности Достоевскаго, можно было не соглашаться съ его мнѣніями, не сочувствовать его убѣжденіямъ и идеаламъ, не раздѣлять его вѣры; но могъ ли кто не преклониться передъ силой этой вѣры, передъ смѣлостью ея исповѣданія, — могъ ли кто не отзываться добрымъ чувствомъ на горячій призывъ этой любвеобильной, всепрощающей души?

Отдѣльныя мысли, выхваченныя изъ міросозерцанія Достоевскаго, всегда имѣли противниковъ и возражателей, но самъ онъ не имѣлъ враговъ. Его любила вся Россія.

А. Ч.
